

Об особенностях развития современного мышления

Георгий Леонидович Ильин,

профессор МПГУ, МГГУ, доктор педагогических наук

• аналогия, средневековое и современное мышление • М. Фуко • метафорическое мышление • М. Маклюен • технология культуры • клипы •

Будем различать три основные формы человеческого социального мышления — логическую, диалогическую и аналогическую. Все они известны издревле. Логическое мышление (формальное) идёт в европейской культуре от силлогизмов Аристотеля, ставших основой научной логики; диалогическое — от парадоксов Зенона, разрешаемых до сих пор; аналогическое — от халдеев, с их магией и мантикой.

Напомним о различиях этих понятий. В логическом мышлении предмет рассматривается непосредственно в причинно-следственной взаимосвязи явлений и процессов, происходящих в нём. При аналогическом мышлении два разных предмета рассматриваются под одним углом зрения, при этом логика одного переносится на другой в качестве модели; возникающая при этом двусмысленность, двусмысленность понятий определяется различием двух предметов мышления. Напротив, при диалогическом мышлении имеются две точки зрения, две позиции, два отношения к одному и тому же предмету мышления, и само мышление протекает как процесс их противоборства; двусмысленность понимания порождается различием отношений к предмету исследования. То есть в аналогическом мышлении в одном слове оказываются совмещёнными понятия о двух разных предметах, а в диалогическом мышлении в одном слове, высказывании сталкиваются или сочетаются два разных субъективных отношения к одному и тому же предмету.

Все названные виды мышления заслуживают внимания и по необычности определения, и по содержанию понятий.

В данной статье предметом описания выступит аналогическое мышление, в котором мы видим не только основу ранее существовавшей средневековой культуры, но и существенную особенность современного мышления.

Метафорический характер современного социального мышления

Говоря об аналогии как характерной особенности современного мышления, мы будем иметь в виду не столько литературные тропы (метафоры, сравнения, метонимии, синекдохи, аллегории, гиперболы, литоты), сколько более широкое её значение и понимание (аналогия в биологии, истории, праве, экономике, политике, технике, в аналоговых вычислительных машинах и пр.).

Метафорическое мышление является одной из ипостасей аналогического мышления, наряду с магическим и мантическим (гадательным), термин «метафорическое мышление» более привычен, чем «аналогическое», и в бытовом, и в научном обиходе. Поэтому мы будем говорить о метафоре, и соответственно о метафорическом мышлении, как выражении аналогического мышления.

Метафора (от греч. *metaphora* — *перенос*) — средство, позволяющее соединять вещи разнородные и даже противоположные, «несовместные» (высокое и низкое, прекрасное и безобразное, нелепое и бессмысленное, истинное и ложное, значительное и ничтожное). Известное признание «*Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда*» — свидетельство работы метафоры — превращения «мусорной» действительности в поэтическое произведение.

Метафора — способ определения того, что не может быть выражено непосредственно. А поскольку мысли не могут выражаться непосредственно, то всякое определение замысла, идеи и понятия посредством языка является метафорическим, «*само слово есть уже в известном смысле метафора*»¹. Язык — метафоричен по сути. Но метафорой слово является по происхождению, об этом часто не подозревают, поскольку используют слова в сложившейся знаковой системе.

Метафора является основой, объединяющей различные сферы и стороны бытия, различные явления, вещи и события. Именно её следует назвать всеобщим посредником, средством, приёмом, инструментом, механизмом порождения нового. Как средство, используемое в самых различных областях жизнедеятельности общества — в политике, экономике, инженерной деятельности, художественном творчестве, — метафора (сближение вещей и понятий по сходству) действительно обнаруживает свой всеобщий характер. Но средство, инструмент требует искусного использования — мало уметь соединять понятия, важно уметь соединять их не только осмысленным и существенным, но и удивительным образом. В таком понимании метафорическое мышление является подлинным искусством.

После сказанного о метафоре как всеобщем средстве, посреднике, приёме, инструменте не только художественного, но и социального творчества, нетрудно перейти к представлениям о метафоре как основе понимания современной жизни, как механизме, обеспечивающем жизнедеятельность общества. Именно такого рода понимание можно найти в известной книге

М. Маклюэна «Галактика Гуттенберга»²: «*Язык — это метафора в том смысле, что он не только сохраняет, но и переводит опыт из одной формы в другую. Деньги — метафора в том смысле, что они сохраняют мастерство и труд, да ещё и переводят одно мастерство в другое. Но принцип обмена и трансляции заключается в нашей рациональной способности транслировать все наши чувства друг в друга... Мы делаем это ежеминутно. Однако цена, которую мы платим за каждый особый технологический инструмент — колесо ли, алфавит или радио, — состоит в том, что эти массивные продолжения чувств образуют закрытые системы. Наши собственные чувства не являются закрытыми системами, но бесконечно транслируются друг в друга в том опыте, который мы называем сознанием. Наши расширенные чувства, инструменты, технологии на протяжении веков были закрытыми системами, неспособными к взаимодействию или хотя бы осведомлённости друг о друге. Теперь, в электрический век, сама природа сосуществования наших технологических инструментов породила кризис совершенно новый в человеческой истории. Продолжения наших чувств и способностей теперь образуют единое поле опыта, что требует, чтобы все они были осведомлены друг о друге. Наши технологии, подобно нашим собственным чувствам, требуют ныне взаимодействия и соотношений, чтобы было возможным рациональное сосуществование... Пока наши технологии были такими медленными, как колесо, или алфавит, или деньги, тот факт, что они являлись отдельными закрытыми системами, был социально и физически допустимым. Это не так теперь, когда изображение, звук и движение являются одновременными и глобальными по своим масштабам. Баланс взаимодействия между этими продолжениями наших человеческих функций теперь так же коллективно необходим, как это было всегда, для нашей личной и персональной рациональности в отношении наших собственных чувств».*

Маклюэна называют пророком информационной эры потому, что он сумел разглядеть наиболее существенное в потоке происходящих изменений. Для нас суть этого отрывка —

¹ Белый А.А. Мысль и язык (философия языка А.А. Потебни). Логос, 1910. С. 258.

² Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. М., 1967.

в утверждении необходимости установления в качестве условия дальнейшего существования современного сообщества свободного обмена информацией между различными функциями социального организма, подобного взаимодействию между психическими функциями индивида. При этом именно метафора выступает средством и механизмом обмена в том и другом случае. Этот обмен может быть только метафорическим, ибо только метафора способна соединять столь разнородные вещи, понятия, явления, процессы, технологии, которые составляют современную жизнь и которые живут и организуются каждый по своей собственной логике.

В основе метафоры лежит не логика, а аналогия, *ана-логика* от греч. *ана* — *выше, над, через, поперёк*. Эта аналогичность метафоры делает её всеобщей посредницей. Логическое мышление есть способ создания и развития отдельных функций, аналогическое мышление обеспечивает взаимодействие различных и разнородных функций. Логика предполагает разделение, установление различия («хвосты бывают трёх родов» — В. Шекспир); аналогия — соединение, выявление сходства («специалист подобен флюсу» — К. Прутков). Аналогия, соединяя понятия, возвращает словам их скрытую метафоричность и порождает новые метафоры.

Заметим, что в основе представлений Маклюэна лежит аналогия между человеком и обществом — отзвук древней идеи подобия между микро- и макрокосмосом, человеком и богом; идеи, сохранявшей свою жизнеспособность в течение Средневековья и Раннего Возрождения. Эта аналогия приобрела основополагающую роль в XVI веке, позднее она обнаруживается в гегелевских трансформациях мирового духа, геккелевском биогенетическом законе, высказывании К. Маркса об «истории промышленности как раскрытой книге человеческих способностей», в «органопроекции» П. Флоренского. Следует видеть в этом проявление подспудной творческой работы аналогии как всеобщего посредника в различные исторические периоды.

Средство мышления в качестве метафоры сохраняет свойства и того, и другого предметов, которые оно связывает, и может на-

зываться метафорой до тех пор, пока сохраняет свойства того и другого. Потеря сходства сопровождается превращением средства в знак, включение в логическую систему знаков — автономную, закрытую систему, будь то язык, деньги или научная теория. Метафорические корни слова отмирают, когда оно включается в семантическую сеть языковых знаков, получает новый *raison d'être* (смысл существования) в качестве носителя точного значения, определяемого его местом в системе других знаков. Так же теряют собственную, заключённую в них стоимость, денежные знаки (ассигнации, сменяющие золотые и серебряные монеты), превращаясь в обозначение номинальной стоимости, наносимой на них типографской краской или магнитной записью. А понятие, включаемое в теорию, теряет своеобразие «внутренней формы» слова в пользу «внешней формы», обусловленной отношениями с другими понятиями в системе, образуемой теорией. Так, например, алхимия и химия — одно и то же слово, если следовать этимологии, алхимия — это арабское написание химии; в наше же время эти два слова едва ли не противоположны.

Метафора живёт и работает, только пока сохраняется её двуплановость, двусмысленность, отнесённость к двум семантическим полям (актуальному и сходному с ним). Язык, который изначально, по происхождению метафоричен (более того, рождает метафоры ежеминутно) казалось бы, лишь в исследованиях этимологов вспоминает метафорическую родословную своих расхожих слов и, опять же, именно тогда обнаруживает свою творческую функцию. Но это не так.

Актуализация и реализация метафор стали важнейшим приёмом современного искусства, осознавшего его и эксплуатирующего, что называется, «в хвост и в гриву» на «всех площадях и в закоулках» искусства — от «Пиковой дамы», «Мёртвых душ» и «Живого трупа» до эстрадных реприз, оживляющих метафоры повседневной речи, и мультфильмов, в наглядной форме реализующих на своих гуттаперчевых персонажах метафорические выражения, вроде *размазать по стенке, скрутить в бараний рог, водить за нос, вешать лапшу на уши*. Само использование языка предполагает актуализацию его метафорической способ-

ности, поскольку, по выражению М. Фуко, «*потребность в речи даёт значениям новую жизнь*»³, поэтому в обобщении Маклюэна «*все средства коммуникации — действующие метафоры*».

В распространении метафорического способа мышления можно видеть, как это делает Маклюэн, возрастание роли искусства в современной жизни: массовое искусство, соединённое с коммерцией и политикой в форме кино, телевидения, СМИ, рекламы и дизайна продукции массового потребления от почтовых марок до гигиенических прокладок, проникает в каждый дом, к каждому индивиду, в постель, в желудок, в душу. Подобно российскому офене-коробейнику или американскому комми (оммивояжёру), но с ещё большей навязчивостью, оно предлагает образцы всевозможных товаров и услуг, включая формы поведения, способы понимания и оценки происходящего. Тем самым искусство, по мысли Маклюэна, казалось бы, начинает влиять на жизнь, художник из «*башни слоновой кости перелезает в башню управления обществом*».

Здесь следует уточнить нашу позицию. Разделяя с Маклюэном его убеждение в возрастании роли метафорического и, в некоторой мере, художественного мировосприятия в современной жизни, мы далеки от мысли, что тем самым искусство получает какие-то рычаги влияния на общество, пусть даже в роли «*радар, средства раннего оповещения*». Самостоятельность искусства находится под сомнением в той мере, в какой оно «ест из рук» своих заказчиков и доброхотов, которые поворачивают «*радар*» в нужном направлении и задают желательный объект обнаружения. Даже известный тезис о СМИ как «*четвёртой власти*» нельзя признать подтверждением этой мысли, поскольку сомнительна не только независимость СМИ как субъекта какой-либо власти, но и их принадлежность к искусству. Мы видим в происходящих изменениях **возрастание социального влияния не столько художественного мышления, сколько мышления аналогического, теснящего или даже сменяющего логическое мышление, которое доминировало в предшествующий исторический период.**

Наступление новой формы мышления особенно убедительно проявляется в сфере

научного познания. О нём свидетельствуют и поиски общих черт между научным и художественным творчеством, и выявление роли мифа как общей и определяющей основы — исторической и актуальной — современных культурных форм (науки, искусства, религии), и распространение моделирования как способа научного познания, и критика научного познания как единственно достоверной формы знания, и стремление к междисциплинарности, предполагающей диалогическое и аналогическое взаимодействие различных и разнородных научных дисциплин. Всё это происходит на фоне стремительного развития сферы социального и гуманитарного познания с его специфическими методами исследования и критериями оценки знаний, отличными от методов и критериев, сложившихся в эпоху Просвещения, в частности, методологией плюрализма вместо традиционного, свойственного естественным наукам монизма.

Таким образом, актуальное распространение метафорического (аналогического) мышления в значимых формах социальной жизни является следствием или проявлением глубинных сдвигов в социально-мировоззренческих структурах. Далее попытаемся выяснить характер и причины этих сдвигов.

О сходстве и различии современного и средневекового мировоззрения

Переход от логики к аналогии как доминирующему способу мышления — это и характерная особенность новейшего времени, постмодернизма, и, в некоторой мере, возврат к средневековому способу мышления, основной категорией которого было подобие, сходство, аналогия. «*Вплоть до XVI столетия категория сродства играла конструктивную роль в знании в рамках западной культуры. Именно она в значительной степени определяла толкование и интерпретацию текстов; организовывала игру символов, делая возможным понимание вещей, видимых и невидимых, управляла искусством их представления. Мир замыкался на себе самом: земля повторяла небо, лица отражались в звёздах, а трава*

³ Фуко М. Археология знания. М., 1994.

скрывала в своих стеблях полезные для человека тайны. Живопись копировала пространство. И представление — будь то праздник или знание — выступало как повторение; театр жизни как зеркало мира»⁴.

Доминирование категории сходства в средневековом мировосприятии определялось нерасчлененностью языка и мира: «язык XVI века не представляет собой произвольную систему; он размещается внутри мира и одновременно образует его часть, так как вещи сами по себе скрывают и обнаруживают свою загадочность, как язык и так как слова выступают перед человеком как подлежащие расшифровке вещи... Поэтому природа и слово могут перекрещиваться до бесконечности, как бы образуя для умеющего читать великий и единый текст»⁵.

Как же становится возможным возвращение к подобию и аналогии как основным категориям мышления в наше время, после бурного промышленного развития, научно-технической и компьютерной революции, радикально преобразивших мир посредством рационального, логического мышления? Что общего может быть у наших современников и представителей Средневековья? Как могло случиться, что в результате научно-технического развития мир вновь обретает и даже обрёл черты, роднящие его с донаучной эпохой?

Можно предположить, как это делает Фуко, что символическое, мифологическое понимание связи индивида с обществом выражает потребность современного общества в иллюзиях, которые могли бы уменьшить его раскол, свойственную ему отчуждённость человека от собственного бытия, форм его языкового сознания, форм производства, условий его жизни, когда он работает на другого, живёт в кредит и говорит то, чему его учат. Именно эта потребность вызвала бегство в детство, в болезнь, в примитивизм буржуазного искусства, и туда же, по М. Фуко, лежит путь науки, о чём свиде-

тельствует, в частности, её позитивизм. Но это скорее марксистско-фрейдистское объяснение в духе XIX — начала XX веков.

На наш взгляд, необходимо иное объяснение.

Это стало возможным в результате изменения основных установок современной науки, игравшей до сих пор доминирующую роль в формировании мировоззрения: **исходное для классической науки стремление понять, как устроен мир, всё более заменяется стремлением понять, что надо сделать для того, чтобы достичь нужного результата.** Средневековое понимание науки — *Scientia est assimilatio scientis ad rem scitam, scientia est sigillatio scibilis in intellectu scientis* — **наука как уподобление миру, как запечатление познаваемого в разуме познающего, всё более сменяется формированием мира по образу, подобию и желанию человека.**

Современная наука сделала возможным исполнение едва ли не любых желаний человека, во всяком случае, в области массового потребления. Желания массового потребителя начинают править миром в глобальном масштабе. Окружающий мир, среда обитания становятся проекцией давних желаний человечества: всё слышать (радио, телефон), всё видеть (телевидение), всё знать и помнить (компьютерные сети и информационные банки), мгновенно связываться с любой точкой земного шара (электронная почта, мобильные спутниковые телефоны), перемещаться в пространстве быстрее звука (авиалайнеры), подниматься на космическую высоту и опускаться в недра земли и океана. Мир превращается в среду пребывания человека, скроенную по его мерке, в соответствии с его потребностями и желаниями. «*Идеи и человеческая воля сделали этот мир таким, каков он есть*»⁶.

Новейшие и высочайшие достижения научной мысли в форме товаров и услуг становятся доступными едва ли не каждому члену общества, более того, их настойчиво популяризируют и предлагают всем. В этой доступности — одно из условий развития современной науки: **без массового интереса к результатам научных разработок, без массового потребителя научных достижений, оплачивающего их подготовку, они не были бы возможными.** Наука, выступавшая ранее способом познания мира, соединяясь с техническим производ-

⁴ Фуко М. Археология знания. М., 1994. С. 54.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Экономика. МП. Эконов, 1992. С. 17.

твом, всё в большей степени становится средством исполнения желаний массового потребителя, средством формирования искусственной среды обитания, отвечающей этим желаниям.

Есть одна неказистая сторона этого процесса: науке, как и образованию, приходится «платить» за этот интерес к ней — интересы собственно научные сменяются интересами потребителей, публики, общественности. В образовании происходит то же: в стремлении охватить всё большее число желающих учиться ему приходится идти на снижение требований к учащимся, массовое образование не может быть по цели равным «классическому». Этому способствует, наряду с постоянным увеличением объёма, выхолащивание, упрощение преподаваемых знаний. А множественность знаний оборачивается их бессвязностью, отсутствием целостности, осмысленности. Ширится продукция массового образования — «образованщина», по выражению А. Солженицина.

С другой стороны, все более отдаляется элитарное образование и фундаментальная наука. При этом парадокс «демократии» проявляется в том, что люди, не имеющие должного образования, могут занимать ключевые позиции в обществе благодаря своим личным качествам: решительности, воле, сметливости, а также наглости, самоуверенности, презрения к принятым ценностям, — качествам, казалось бы, не имеющим отношения ни к образованию, ни к науке. То есть на вершине власти оказываются подчас одновременно люди и высокообразованные, и мало- или вовсе необразованные. При этом возникает своеобразное разделение труда, симбиоз, в котором одни не могут обходиться без других.

Убеждение в доступности всего желаемого, поощряемое угодливостью торговли и сферы обслуживания, расторопностью промышленности и производства, либерализмом в области нравственности с освобождением от прежних запретов и ограничений, пронырливостью средств массовой информации, возбуждающих и удовлетворяющих праздное любопытство, пропагандой свободы личности как высшей ценности человеческого существования за счёт

долга и ответственности перед ближними, становится конституирующим фактором, определяющим массовое сознание, основной характеристикой современной «западной» цивилизации, претендующей на всемирное распространение.

Таким образом, в результате человеческой исторической деятельности мир таков, потому что люди этого желали, он — воплощение их желаний, выражение их сути, высказываемой в словах. Как сказано в Евангелии: «Слово стало плотью и обитало с нами» (Иоан., 1, 14). Современное развитое человечество формирует мир в соответствии со своими потребностями. Создание среды, в которой окружающий мир оказывается воплощением желаний, казалось бы, вновь восстанавливает то единство (желаемое, мнимое или действительное) человека и природы, которое существовало или желалось быть осуществлённым в Средние века и которое конституировало подобие, сходство, аналогию микро- и макрокосма в качестве основной категории мышления. Хотя ныне это единство искусственное и искусственно поддерживаемое, как искусственная среда, созданная в результате развития современной цивилизации, тем не менее, оно существует, формируя современное мировоззрение, особенно массовое. И именно это единство определяет возрастание влияния аналогического и метафорического мышления в современном мире. Подобие человека и мира создаётся и воссоздаётся непрерывным производством товаров и услуг, отвечающих потребностям массового потребителя.

Как и в Средние века, в Европе (герменевтика как искусство толкования текстов) в XX веке возникает понимание нерасчлённости, естественной и существенной связи языка и мира, что проявляется в возрастании внимания к языку, настойчивом стремлении понять роль языка в познании мира. Проблема языка и мышления занимает умы крупнейших мыслителей современности — Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Х. Гадамера, К. Ясперса, М. Бахтина, А. Лосева. Возникает лингвистическая философия, философская герменевтика.

Этнолингвистика разрабатывает гипотезу «лингвистической относительности» (гипо-

тезу Сепира-Уорфа), согласно которой структуры языка определяют картину мира. Анализ речевой продукции становится основой психоанализа. В форме структурализма методы анализа языка распространяются на значительную область гуманитарного познания. Исследования связи языка, мышления и речи приобретают фундаментальное значение для разработок по искусственному интеллекту (Н. Хомский). Язык осознаётся, по выражению Хайдеггера, как «дом бытия». Но важно видеть, что в отличие от Средних веков, когда он составлял часть мира, в наше время, напротив, мир оказывается частью языка, если не сказать его порождением.

Существование и становление обсуждаемого сходства исторических эпох осознавались многими современными философами — от Ф. Ницше с его идеей «вечного возвращения» до Н. Бердяева и Й. Хейзинги с пониманием современности как «нового средневековья». При этом средневековый архетип, с которым у современности обнаруживаются общие черты, выступает не только идиллическим идеалом, как это было во времена Ж.-Ж. Руссо, но и в соответствии с известным клише «мрачного средневековья» жупелом, которым пугают обывателя. Важно, однако, отвлечься от поспешных оценочных суждений о пугающем или умиляющем сходстве и установить его природу, определить специфику, причины и возможные последствия этого сходства.

Принципиальное различие двух исторических эпох состоит в том, что прежде единство достигалось путём приспособления человека к окружающему миру, ныне — путём приспособления мира к человеку. Это различие весьма существенным образом определяет специфику современного мира, которая уже описана выше и о которой будет сказано далее. О сходстве же можно говорить как об аналогии в определении М. Фуко — «не как зримом подобии вещей самих по себе, а всего лишь более тонком сходстве их отношений»⁷.

Постмодернизм, — не как направление в искусстве, сменившее модернизм, а в более широком смысле

— как новейшая историческая эпо-

ха, с его не вполне сформировавшимся мировоззрением и способом мышления, но вполне проявившимся бунтом против примата или преваширования логики и науки в отношении к миру, против традиционного социального и профессионального разделения труда, порождающего социальное отчуждение, с его стремлением к обретению экологического единства с миром, наконец, желанием объединения мира в единую «всемирную деревню», которому так способствует развитие мировых торговых и информационных сетей, в целом тяготеет к мироощущению, свойственному средневековому человеку. И чем большую определённость обретает новое мировоззрение, тем явственнее проступает это сходство. «Тонкое сходство» двух эпох проявляется, прежде всего, в распространении мышления аналогиями, как доминирующей формы мышления, альтернативной логическому. В основе аналогического мышления ныне, как и в Средние века, лежит идея подобия мира и человека.

Аналогия выступает в качестве средства, позволяющего соединить в единое целое мир, разъятый на части логическим анализом, общественным и профессиональным разделением труда, социально-экономическими различиями, этническими и национальными особенностями, религиозными традициями, научно-дисциплинарными подходами и точками зрения. Каждое из многочисленных и часто противоборствующих социальных образований развивается и отстаивает собственную логику, имеет свой резон, обеспечивающий его автономию, его право на существование. Всякая логическая аргументация в пользу существования другого понимания рассматривается как чуждая и подлежащая опровержению. Интеграция возможна лишь на основе аналогии, с её способностью соединять разнородное, устанавливать сходство и связь между различными логическими системами.

Аналогия открывает закрытые логические системы мышления (от научных и социально-экономических до религиозных и эзотерических), обеспечивает их взаимодействие и делает возможным существование популярной современной утопии — «открытого общества».

⁷ Фуко М. Археология знания. М., 1994. С. 58.

Технология современной массовой культуры

Вернёмся к специфике современности. Символическим представляется наименование современного зона (геологической эпохи) фанерозоем (от греч. *phaneros* — внешний, явный, видимый). Напомним, что в быту фанерой называют листовую древесный материал, получаемый склеиванием трёх и более листов лущеного шпона (от нем. *Span* — щепка, клин), при этом обязательно перекрёстное направление древесных волокон склеиваемых листов. Фанерование — оклеивание поверхностей шпоном для улучшения их внешнего вида. Но это слово имеет ещё одно значение. Эстрадные исполнители называют «пением под фанеру» (от «фоно» — фонограмма) исполнение номера под заранее записанное музыкальное сопровождение, то есть имитацию исполнения. Невольно возникает мысль о сходстве технологии изготовления и применения фанеры и технологии создания и исполнения произведений искусства.

Другим подтверждением такого сходства могут служить текстовые, звуковые и видеоклипы, ставшие технологией СМИ. Клипы — тот же шпон, из которого склеиваются и которым оклеиваются изделия массовой культуры и массового потребления. Ярким проявлением «фанерованности» современной жизни является реклама, построенная на технологии создания клипов. Реклама изделия, представляющая собой его демонстрационную версию, товарный образец, — та же «фанера» в понимании музыкантов. Создание многих фильмов, спектаклей всё более напоминает производство рекламных роликов и наоборот. Да разве не является обрывочная, «частушечная» поэзия Ю. Шевчука и В. Вишневского проявлением всё тех же клипов?

Для нас принципиально важно отметить сходство технологии изготовления и использования клипов с технологией изготовления и применения фанеры. Она представляет собой такого же рода наложение разнородных (по-разному ориентированных) смысловых слоёв различных произведений с целью создания нового произведения, нового материала. Разумеется, этот материал, как и фанера, искусственен, он даёт лишь видимость подлинности, но он

создаёт видимость, не уступающую порой природному виду или даже превосходящую его по привлекательности. Можно ценить природную, подлинную оригинальность и собирать антиквариат, но массовая культура не может не пользоваться «фанерованными» изделиями, хотя бы потому, что они более броски, привлекательны, а также дешевле и проще в изготовлении. «Фанерование», как способ привлечения внимания, облагораживания изделий и быстрого удовлетворения спроса, стало принципом современной культуры. Тоска по утерянной искренности, подлинности, самобытности — не более чем реверанс вслед ушедшей эпохе. Термин «фанерозоя» как нельзя лучше определяет жизнь современного общества.

Ещё более важно видеть, что в основе «фанерования», этой своего рода технологии создания произведений современной массовой культуры, лежит использование аналогии. Аналогия, как ана-логика, как логика «выше», «над», «через», «поперёк», и есть тот принцип, по которому подбираются, накладываются, соединяются друг с другом различные клипы, делаются *remakes*, создаются произведения «по мотивам», пишется современная проза. Лущеным шпоном заимствованных цитат, идей, образов покрывается сумятица актуальных представлений, прессованный мусор непосредственных впечатлений, используемых по принципу «anything goes» (выражение П. Фейерабенда). Собственная логика, смысл используемых произведений соответствуют направлению «древесных волокон шпона», а их изложение, наложение и соединение происходят по принципу аналогии.

Воспроизведение оригинала в качестве образца или его совершенствование, определявшее существование традиции, школы, канона, перестало быть задачей современной науки, искусства, которые нацелены, прежде всего, на творчество во имя творчества, на создание необычного, на выработку нового понимания, нового изображения пусть даже известных вещей (ремейк). Отсюда постоянное стремление противопоставить традиционному или выраженному другим человеком пониманию собственное, отличающееся, как «над-лежащее» или «поперечное».

Продолжая следить за игрой значений синонимов и омонимов, воистину, созвучием, по выражению В. Набокова, «рифм бытия», отражающим логическое или метафорическое сходство и подобие вещей, отметим ещё некоторые особенности технологии современной культурной индустрии эпохи новейшего фанерозоя. Вещи и образы распадаются на составные элементы: звук, форму, цвет, фактуру, изменение во времени, смысл и значение, которые получают квази-самостоятельное существование и могут комбинироваться в самых произвольных сочетаниях (под фонограмму может «петь» даже немой).

Изображение разлагается на части, которые могут перемешиваться между собой и объединяться в новое целое с заданными свойствами (мечта гоголевской Агафьи Тихоновны об идеальном женихе легко может быть реализована посредством компьютерной графики). Писатель как личность отделяется от автора (псевдоним) и от произведения (под известным литературным именем (брендом), у расторопного издателя может трудиться целая писательская бригада), а сюжет — от материала (один и тот же сюжет реализуется во множестве литературных опусов, отличающихся местом событий, временем и персонажами). Текст, распавшийся на составные части, превращается в гипертекст, в котором последовательность прочтения не имеет значения и который может читаться с любого места в любом порядке (как «Хазарский словарь» М. Павича или «Книга книг» в проекте «Интернет» М. Эпштейна).

Возникает чрезвычайная подвижность всех исходных элементов относительно друг друга и возможность превращения чего угодно во что угодно, хоть по виду — мастерством дизайнера или живописца, хоть по вкусу — средствами изысканной кулинарии. Отсюда — постоянное стирание границ между реальностью и виртуальностью (во французском значении этого слова — возможностью, потенциальностью).

Но это также стирание границ между искусством («фабрикой образов») и жизнью: метаморфозы, возможные ранее только в воображении, вроде превращения мужчины в осла, женщины в мужчину, и наоборот, злобного карлика в умного красавца, нище-

го в принца, старика в молодого, превращения во всё мыслимом диапазоне — от воскрешения мёртвых до возвращения в материнскую утробу — становятся реальностью, если не в результате достижений современной науки, то в результате убедительной рекламы её возможностей.

Впрочем, жизнь, как всегда, оказывается изощрённее самой буйной фантазии, она способна на такие метаморфозы, которые и не снились ни литературным, ни научным, ни иным мудрецам: превращения в один исторический миг богатой и могучей советской державы в кучку по-нищенски враждующих друг с другом опереточных государств не мог предвидеть никто. Это не свидетельство отличия жизни от воображения, скорее, свидетельство того, что жизнь остаётся непревзойдённым источником воображения.

Есть нечто принципиально общее не только между производством фанеры и производством продуктов массовой культуры, но и между пуантилизмом и теорией множеств, абстракционизмом и топологией, генетическим кодом и теорией информации, методом порошковой металлургии и социальной технологией индустриального общества дробления традиционных социальных структур до однородной массы отдельных индивидов с последующим формированием необходимых социальных образований. Это общее — сходное понимание мира, предполагающее и делающее возможным разложение существующих вещей и явлений на элементы и компоненты и создание из них не просто новых, но любых вещей и образований, и, главное, желательных, таких, которые в природе встречаются редко или не встречаются вовсе и являются продуктом нашего воображения, проекцией нашей собственной природы, реализованной метафорой нашего языка.

И всё же при всей специфичности, небывалости, ни на что не похожести современности нельзя не видеть её всё более проявляющегося родового сходства с предшествующей эпохой, отстоящей на несколько столетий, сходства, проявляющегося подобно тому, как порой в ребёнке проявляются генетические свойства и признаки предков более явно, чем свойства родителей. Хотя в основном рассмотренный материал носит

метафорический характер и связан с художественной культурой, однако нельзя не почувствовать, говоря словами поэта, что

Здесь кончается искусство,
И дышит почва и судьба. (Б. Пастернак)

В заключение несколько общих замечаний и утверждений.

Древняя догадка о возможности замены понятия его материальным представителем или числовым выражением, подобная идее алфавита, несомненно, связана с идеей генетического кода, которая не случайно получила развитие именно в наше время, подтвердив и упрочив сходство языка и мира. Соответствие слова и числа, их тайная связь, о которой давно догадывались и которая завораживала ещё халдейских мудрецов и иудейских каббалистов, рождая проекты исчисления мысли, в свою очередь, не случайно выявилась и получила своё воплощение в математической логике (булевой алгебре) и двоичном коде современных компьютеров.

Информация, соединившая число и слово, процесс и сообщение, факт и примету, изменение и знак, означаемое и означающее, язык людей и язык природы, ставшая основным элементом миропорядка, вновь позволившая объединение посредством информационных сетей людей друг с другом и окружающим миром «поверх барьеров» (национальных, государственных, социальных, ведомственных, религиозных, научных, профессиональных, сексуальных и прочих), вместе с тем всё более обнаруживает виртуальность этого мира, его зависимость от нашего воображения, его условность и эфемерность. Создание единого мирового информационного пространства, в котором всё связано со всем, всё отражается во всём и возможны любые сходства и превращения, возвращает нас к аналогии микро- и макрокосмоса, средневековым фантазмагориям и химерам, средневековому отношению мира и человека в замкнутой сфере бытия, когда *«природа и слово могут переплетаться до бесконечности, как бы образуя для умеющего читать великий и единый текст»*⁸.

Если кому-то после всего сказанного о специфике современности, сходство совре-

менности со средневековьем покажется всё же не слишком приятным, пусть ему послужат утешением слова Г. Лейбница, — nous sommes dans le meilleur des mondes possibles: мы живём в лучшем из возможных миров. Остальным предлагается оценить их скрытую иронию, ибо лучший мир оказывается в то же время единственным: мир, как наше подобие и как наша проекция, уникален. Это наш лик, это мы сами глядим на себя из сумрачных глубин прошлого, из таинственной бездны космоса, из неясной дали будущего. Изменяя мир, мы утверждаем себя в нём и утверждаемся в себе, оставаясь тем же самым. Чтобы изменить мир по существу, надо измениться самим, а для этого нужно увидеть себя не просто со стороны, но изнутри, в зеркале собственной истории. Нет нужды, по совету некоторых футурологов, идти вперёд, пятясь, но есть необходимость, двигаясь вперёд, более внимательно поглядывать в зеркало заднего вида, чтобы нас не настигло то, что кажется давно прошедшим, чтобы, утомившись в заботах современности, по известной поговорке, засуетившись, не заснуть, не впасть в забытие или, того хуже, в бред средневековья. □

⁸ Фуко М. Археология знания. М., 1994.